

ПЕРЕПИСКА В. И. ИВАНОВА
И И. Н. ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА

АНДРЕЙ ШИШКИН

“Высокого роста, с длинными, иногда светлыми, волосами с проседью, с лицом красноватым от римской малярии, В. Иванов оставлял сильное впечатление. Его светлоголубые, не очень большие глаза пронзительно смотрели на меня сквозь очки. Он был в длинном черном костюме старого покроя с свободно повязанным черным галстуком. Он походил на профессора Гейдельбергского университета начала прошлого века. Но, несмотря на его старинный облик с гравюры Ходовецкого, сквозь его манеру говорить и улыбаться – последняя сильно напомнила мне улыбку Юпитера на фреске виллы Фарнезины – просвечивала молодость, вечная молодость великих художников. Как будто с большого медальона кафе *Греко* сошел сам Гете, чтобы завершить начатый век назад разговор”

Таким запомнился В. И. Иванов Илье Николаевичу Голенищеву-Кутузову (1905-1969), наследнику славнейшего дворянского имени, молодому поэту и переводчику, начинающему дантологу, будущему известному филологу-романисту и слаviste.¹ С Е. В. Аничковым, его белградским университетским

¹ О нем см. В. М. Жирмунский, *Памяти И. Н. Голенищева-Кутузова*. В кн.: *Голенищев-Кутузов 1971*, с. 517-524; Д. С. Лихачев, *И. Н. Голенищев-Кутузова* в кн.: *Голенищев-Кутузов 1973*, с. 3-16.

профессором (он то и познакомил своего выпускника с старинным – еще по петербургской башне – своим другом) Кутузов заходил в небольшую квартирку поэта на верхнем этаже неподалеку от кафе *Греко* и площади Испании. Там "говорили о поэзии, о религии, о кризисе культуры, античной Греции и средневековье. <...> Неизменным гостям Иванов читал свои новые стихотворения и поэму *Человек* – о пути человечества к возрождению, к человеку мистическому – Адаму-Кадмену. Однажды вечером я должен был по желанию автора сам истолковывать эту поэму по "четырем смыслам" средневековых схоластических комментаторов".² Прочел он также и песнь из переводимой им Комедии Данте:³ заходила речь о бл. Августине и, кажется, о книгах, над которыми работал и которые перерабатывал в то время Иванов: *Дионис и Прадионисийство* и *Достоевский*.

Эти немногочисленные вечера на римской "башне" (так по аналогии с прославленной петербургской башней называет жилище поэта Кутузов), нередко за полночь, летом 1927 и следующего 1928 г. оказались единственными личными встречами Иванова и Кутузова, но оставили они следы в жизни и того и другого. Творчество Иванова делается объектом критических работ Кутузова. Уже в декабре 1928 г. он собирается выступить в Белграде с лекцией о Иванове и читать его новые, неопубликованные стихи (сам Иванов после отъезда из СССР в 1924 г. вплоть до 1935 г. воздерживался от публикации на русском языке своих сочинений – см. письмо № 7); в январе 1930 г. читает лекцию и стихи в парижском Союзе молодых поэтов (см. № 3); публикует статью *Лирика Вячеслава Иванова*,⁴ где впервые после долгого перерыва появляются в печати новые стихи поэта, критические отзывы на книгу Иванова *Дионис и Прадионисийство*⁵ и немецкую книгу о Достоевском,⁶ новую статью о лирике поэта,⁷ наконец, в 1935 г., в преддверии 70-летнего юбилея Иванова, читает о нем лекцию в белград-

² Голенищев-Кутузов 1935, с. 102; Голенищев-Кутузов 1937, с. 62.

³ Голенищев-Кутузов 1971, с. 482, 467-8; ср. Дэвидсон в печати.

⁴ *Современные Записки* 1930.

⁵ *Отречение от Диониса*. "Возрождение", 1930, 3 июля.

⁶ Голенищев-Кутузов 1935, с. 100-109; статья затем вошла в книгу Голенищев-Кутузов 1937, с. 59-73.

⁷ В книге Голенищев-Кутузов 1937, с. 74-88.

ском Русском научном институте (см. № 19). С другой стороны Иванов внимательно читает присылаемые его молодым другом стихи и прозу (художественную и критическую), пишет введение к первой поэтической книге Кутузова *Память* (Париж, 1935). Интерес к событиям творческой жизни другого, их интеллектуальная диалогичность несомненны.

Между тем, свидетельств об этом в публикуемой переписке (оживленной вначале и угасающей в середине 1930-х гг.) мы найдем не так много. Переписка тематически группируется вокруг публикации Кутузовым статей о Иванове в русской парижской прессе; запрета Иванова переводить и печатать по русски его *Письмо к Ш. Дю Босу*; написания Ивановым предисловия к книге Кутузова *Память*; юбилея Аничкова; оценки Ивановым второго поэтического сборника Кутузова. Иванов спрашивает молодого друга о его научной жизни и семейных делах, разбирает его стихотворения, рассказывает, однако, весьма немного, о себе ... следует признать, что его обещание написать в письмах "обо всем, чем сердце живо" (№ 7) так и не было им реализовано. Молодой Кутузов сообщает о своей жизни не так скупно (ср. № 1-3 и, особенно, 13), но и здесь, о значении, например, творческого посвящения в Риме, больше чем письма говорят дарственные надписи на его книгах и статьях:

<...> Поэту, Учителю Поколения, Книгочию / на память о Римских вечерах, греческих уроках /на террасине и мусийских беседах (оттиск статьи *Лирика Вячеслава Иванова* 1930 г. – Римский архив)

<...> учителю, другу, водителю / патриарху Новой русской поэзии – / певцу божественной полноты бытия (*Кутузов* 1937 – Римский архив)

<...> Казалось

В библиотечной тишине
Что прошлое живет во мне
И с будущим оно сливалось
В бессмертный гимн. <...>

В словах Твоих
Благую весть услышал я
На башне в час ночного бденья,
И получил благословенье

Для творческого бытия
(книга *Память* – Римский архив).

О душевной же драме второго поколения русской эмиграции, той иррациональной (или мистической) эмигрантской тяге в Россию – в ту Россию, которой уже не существовало, драме, столь блистательно описанной в *Подвиге* В. Набокова (и, конечно, в *Незамеченном поколении* В. Варшавского) мы узнаём опять-таки не из печатаемых писем Кутузова, а из его стихотворений.⁸

Если говорить о глубоко значимом внутреннем диалоге Иванова с его молодым другом, то наиболее значительное событие здесь – написание предисловия к первой поэтической книге Кутузова и посвящение ему через несколько лет стихотворения *Земля*. Между прочим, знаменательно, что (как следует из № 8) название и, стало быть, основную идею книги Кутузова – *Память* – надлежит понимать исходя из ивановского образа “студеной воды, плещущей из озера Памяти” – смысл этого образа в античной мысли раскрыт в книге *Дионис и Прадионисийство*, которой посвящал рецензию Кутузов.⁹

В предисловии Иванов “вглядывается” в поэтическое лицо и еще скрытый от него *лик* автора первой книги стихов; суждения его обнадеживающи, но и суровы: “начальная (она же и последняя!) задача всякого лирического поэта, задача выявить духовное лицо свое в его существенной единственности и потому всеобщей значимости <...> еще не выполнена”. Художник не преодолел еще морока грез, которые заслоняют от него живую реальность, цвет и истину бытия; иными словами, В. Иванов упрекает молодого поэта в *субъективном*

⁸ Как опубликованных в русской зарубежной печати, так и рукописных; около 30 неизданных стихотворений поэта хранится в Римском архиве В. Иванова, на некоторых – пометы Иванова.

⁹ “Судьба человека – та же, что участь бога страдающего. Только человек не весь от Диониса: его низшая природа – “титаническая”, хаотически богоборствующая <...> Он замыкается в своей индивидуальности, “хочет спасти свою душу”. <...> Вопреки его воле, надлежит ему, по Анаксимандру, смертью уплатить пеню за вину своего обособленного возникновения, своей эгоистической отделенности. <...> Но и здесь цельность его духовного лика, Диониса в нем <...> спасена за порогом смерти, где текут живые воды из “озера Памяти”, восстанавливающие сознание забытого единства, и откуда новый зов <...> выведет его опять на лицо земли” (с. 159).

идеализме – серьезное обвинение в устах теоретика реалистического символизма! Нравится же Иванову что “вообще же с преданием – как ветхим, так и свежим – молодой поэт весело и открыто дружит, что и естественно, потому что (здесь Иванов еще раз формулирует свой литературный символ веры: русская поэзия является неотъемлемой и интегральной частью общей европейской поэтической культуры) современная русская поэзия, подобно эллинизму предхристианской поры, выработала общий гостеприимный язык. И не уменьшает его самостоятельности, напротив, еще ее обнаруживает и увереннее в себе утверждает свободная многоотзывчивость его музыки”. Программа литературная перерастает в программу культурную, идеологическую, более того, даже (как не вяжется это слово с Ивановым!) политическую, — “кому много дано, с того много и спросится; дело же идет о духовном самоопределении новой России”. Обращена она к Кутузову, но одновременно и к русской культурной эмиграции, сторонящейся, отъединяющейся от Предания запада, к которой ее собственное относится как правое легкое к левому.¹⁰

В письме от 23 сентября 1931 г. Кутузов находит самые проникновенные слова, чтобы рассказать о “магическом воздействии” на себя строк Иванова: “мне порой казалось, когда я перечитывал Вами написанное, что Вы лучше понимаете мою сущность и мой путь, и все препятствия на этом пути, чем я сам” (№ 13). Что препятствия эти, при внешнем устройстве академической карьеры Кутузова, были серьезны и значительны, говорят последующие письма, а еще больше присылаемые Иванову новые стихи... Чувство изгнанничества, отщепенства от родной земли, тоска по призрачной родине (“Его Россия, изъятая из его поля зрения, стала для него “внутренним опытом”, предметом мистической веры и почти потусторонней надежды: память о ней – “вечною памятью”, провозглашаемой в чине погребения” – писал Иванов в 1931 г. в предисловии к *Памяти*) усугубляла мрачная тень приближа-

¹⁰ Это образ из “Письма к Дю Босу” 1931 г. (*Иванов* 3, с. 426, 429). Достоинно внимание, что образ этот использовал в своей речи к участникам II ивановского симпозиума папа Иоанн-Павел II (ср. *Иванов* 4, с. 702). Заслуживает интереса, между прочим, попытка Аничкова охарактеризовать позицию Иванова как синтез (в аутентичном смысле) славянофильства и русского западничества (Доклад Аничкова об Иванове 1935 г.).

ющейся войны (ср. № 19-21). Особенно, как мне думается, должны были стать предметом критического несогласия Ивана мысли о конце русской культуры и исчезновения с лица матери-земли (мать-сыра-земля — важнейший для Иванова образ!) добрых духов. Эти идеи Иванов встретил в присланных в 1933-35 гг. стихах *Граждане вселенной* и *В моих последних итальянских*. Последнее стихотворение Кутузова заканчивалось, между прочим, такими строками:

Мы восстаем магической силой
 Над злобою египетской и болью
 Склонившихся к земному тлению дней,
 Над хаосом российских днепростроев,
 Над рудами сибирскими, над сонмом
 Левиафанов, торжищ и колхозов.
 Мы видим, что ушли в земные недра
 Благие духи

Мать земля сырая
 Лежит без чувств. Лишь ангелы успенья
 Как странники являются бездомным
 На перекрестках, рубежах, распустьях
 России...

В том же 1935 г. Иванов писал в письме неизвестному русскому корреспонденту, в ответ на его, как видимо, весьма схожие (и вообще характерные для настроения многих зарубежных русских того десятилетия) мысли; идеи Иванова здесь являются новыми формулировками и развитием того, что было высказано им в *Письме к Дю Босу* и в предисловии к *Памяти*:

Не будем уподобляться Евреям, плачущим на развалинах старого храма, Тела Христова, Его Церкви... Вы сетуете о «разрушении русской культуры»; но она не разрушена, а призвана к новым свершениям, к новому духовному сознанию. Притом, как есть одна Истина, и одна Красота, так и культура, в существенном и последнем смысле этого слова, — выражение вселенского единства и дело вселенского единения. Так и русская культура лишь один из типов и одна из граней единой культуры. Бессмертное в творчестве бессмертно для всех; да и задумываются величайшие творения мысли и искусства с целью утвердить некую всеобщую истину, воплотить некую всеобщую идею, и только потом оказывается, что мыслитель или художник выражая это всеобщее, существенно выразил особенность их национальной души. Достоев-

скому казалось, что истинно-русский человек прежде всего «всечеловек» и что поэтому он в Европе более европеец, нежели француз или англичанин или немец, из коих каждый чувствует себя именно французом или англичанином или немцем и лишь условно и отвлеченно – европейцем. И так, русскому беженцу, действительно верному заветам русского духа и русского духовного дела, надлежит прежде всего вырваться из бытовой и психической замкнутости и затхлости местных русских «колоний» и жить общею жизнью с народами Запада.¹¹

Иванов не послал Кутузову письма с аналогичной апологией. На стихи он ответил стихами; и в 63 томе "Современных Записок" за 1937 год появилось стихотворение *Земля*, посвященное Илье Николаевичу.

Повсюду гость и чуженин,
И с Музой века безземлен,
Скворещниц вольных граждан,
Беспочвенно я запределен.

И по иному луг мне зелен,
Журчит иначе студенец
Под сенницей лесных молелен,
Чем жнице ль, пастушку ль овец, —

Микулам, сельским уроженцам,
Поднявшим ралами поля...
Но и скитальцам, отщепенцам
Ты мать родимая, Земля.

И в одиночестве, в пустыне
В смарагдовой твоей раине,
Едва склонюсь к тебе, дремля, —
Ты шепчешь, сонный мох стеля,
О колыбеле, о святыне.¹²

"Сердечно был тронут стихами мне посвященными – в них тема изгнания и тема родины, Ваши и мои и обще-русские", – писал Кутузов Иванову (№ 20). Это одно из последних писем

¹¹ Черновой автограф в Римском архиве.

¹² *Современные Записки* 1937, № 63; включено в *Свет Вечерний* (Иванов 3, с. 829).

Кутузова. Но внутренний диалог с русским римским поэтом, раскрытие высшего смысла его духовного послания происходил в последующие годы, богатые творческими достижениями, но обремененные и жизненными трагедиями Кутузова.

* * *

Письма И. Н. Голенищева-Кутузова к В. И. Иванову хранятся в Римском архиве В. Иванова; там же находятся и ксерокопии писем В. И. Иванова к И. Н. Голенищеву-Кутузову; оригиналы их принадлежат Библиотеке Сербской академии наук и искусств в Белграде (Бр. 9289). Оба корреспондента пользуются исключительно старой орфографией; она переводится на современную с сохранением особенностей авторского правописания. Письмо № 15 было напечатано Д. В. Ивановым в кн.: *Russica 81*. Литературный сборник. Нью-Йорк, 1982, с. 381-382.